

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

ВЫПУСК 5

ЮБИЛЕЙНЫЙ

По материалам
пятой международной научной конференции,
посвященной 50-летию со дня кончины А. П. ПЛАТОНОВА

23–25 апреля 2001 года. Москва

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2003

ББК 83.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 03-04-16075д

Редактор-составитель — Н. В. Корниенко
Рецензенты — С. А. Коваленко, В. Е. Ковский

«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА. Вы-
пуск 5. Юбилейный. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — 984 с.

Основу пятого выпуска составляют материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию со дня кончины А. П. Платонова. Работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей русской литературы XX в. представляют самый широкий круг вопросов современного этапа постижения творческого наследия Платонова. Исследовательская карта достаточно разнообразна и по жанрам: фундаментальные историко-литературные работы, анализ текста, комментарии, публикации, опыты хроник, писательские эссе. Книгу завершают новые архивные публикации, представляющие уникальные материалы жизни и творчества писателя.

Книга адресована филологам, а также широкому кругу читателей.

ISBN 5-9208-0175-1

© ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2003
© Коллектив авторов, 2003

РАССКАЗЫ А. ПЛАТОНОВА ДЛЯ КРЕСТЬЯНСКОГО РАДИО 1928–1930-х гг.

Работа Платонова для радио — тема новая и как будто неожиданная, однако, ее состоятельность в полной мере подтверждается накопленными к настоящему времени материалами. Так, исследователям давно известна фотография — «три воронежских писателя (А. Платонов, А. Новиков и Н. Тришин) в редакции “Крестьянской радиогазеты”». Об активном сотрудничестве писателя с той же радиогазетой свидетельствует письмо Платонову В. Келлера, хранящееся в РО ИРЛИ¹. Наконец, нами обнаружена и атрибутирована статья Платонова, освещающая рабочий процесс создания «Крестьянской радиогазеты»²; в этой статье названы по именам и кратко охарактеризованы двое из трех членов редакции — писатели Николай Тришин и Андрей Новиков. О третьем — о себе — Платонов умолчал.

Как выясняется, помимо «Крестьянской радиогазеты», Платонов писал еще и для программы «Деревенский утренник», выходявшей в эфир воскресным утром. Передача большей частью была музыкальной, но включала также и короткий рассказ, определяемый как юмористический³. Некоторые из платоновских радиорассказов «Утренника» сохранились благодаря тому, что впоследствии они легли в основу собственно литературных произведений — «Усомнившийся Макар» и «Впрок».

Характерным признаком такого текста для радио является замещающий заглавие повествовательный зачин «Слушайте/Послушайте рассказ...», вычеркивавшийся при позднейшем редактировании. По наличию вычеркнутых зачинов «Слушайте...» устанавливается, что в основу «Усомнившегося Макара» положены шесть радиорассказов «Деревенского утренника», посвященных продолжающимся «похождениям» Макара Прохорова. Сохранившийся источник текста (находится в домашнем архиве) представляет собой последовательно соединенные машинописи радиорассказов с последующей правкой автора и дописанными от руки началом и концом; первоначально каждый из радиорассказов имел самостоятельную пагинацию. В качестве подтверждения того, что рассказы о Макаре действительно прозвучали по радио, можно рассмотреть пометы неизвестного лица на 1-й странице 2-го и 6-го рассказов, относительно выплаты гонорара, — «Платонов 20 р<ублей>» и «Платонов 15 р<ублей>».

В состав «Усомнившегося Макара» не вошел последний из известных радиорассказов этого цикла — «Слушайте рассказ о том, как Макар Прохоров возвратился в свою деревню после того, как он в качестве выдвигенца приблизил городские учреждения к социализму и о том, как он отдыхал в деревне от делов», который в последующем предстает уже в виде рассказа «Отмежевавшийся Макар»

Легко вычленяется ряд радиорассказов и во «Впрок» → в составе рукописи они представлены машинописными вставками. С точностью определяется, что изначально радиорассказами являлись как минимум три эпизода — новеллы, посвященные Семену Верещагину (вставка I), Филату-батраку (вставка E) и «товарищу Пашке» (вставка У). Судя по стилю и объему текста, радиорассказами могли бы оказаться и рассказы-вставки о воинствующем безбожнике Чумовом/Шекотулове⁴ (вставка Д), о визите к Ленину Крушилова/Упоева (вставка В) и о поездке Ефима Нечаева в Париж. Высказаться в этом отношении более определенно на данный момент затруднительно, поскольку в рукописи «Впрок» рассказ о поездке в Париж отсутствует, а вставка В представлена машинописью под заглавием «Наследник Ленина», т. е. не имеет характерного радиозачина. Однако в этом случае дополнительный намек на принадлежность текста к радио-жанру можно усмотреть в его подзаголовке — «Составлено по устному рассказу колхозника тов. К.»; теоретически, машинопись этой вставки может являться копией радиорассказа с измененным заглавием. Наиболее вероятно, с нашей точки зрения, что фрагмент радиорассказа представлен вставкой Д — верхняя часть первой страницы вставки аккуратно оторвана, что сделано, предположительно, с целью убрать зачин радиотекста. Вероятно, рассказ о Чумовом включен во «Впрок» не полностью, однако, отсутствовать может лишь заключительная часть, поскольку первая страница вставки безусловно являлась и первой страницей переработанного рассказа, что устанавливается исходя из первоначальной пагинации следующей страницы вставки — «2».

Эти, отмеченные нами, составляющие «Усомнившегося Макара» и «Впрок» вместе с их зачинами ранее уже были описаны в работах Н. Корниенко и заодно с некоторыми текстами Платонова, не имеющими отношения к радио, получили условное наименование — «были» или «эпизоды из жизни массового человека»⁵.

Настоящая публикация охватывает все названные выше бесспорные радиорассказы, за исключением оставшегося недоступным текста, положенного в основу «Отмежевавшегося Макара». В качестве наиболее вероятного из предполагаемых радиорассказов в публикации дается рассказ о воинствующем безбожнике. Тексты печатаются в их первоначальном виде, т. е. с отменой исправлений, сделанных при работе над «Впрок» и «Усомнившимся Макаром». Также публикация включает неизвестные ранее тексты, выявленные в домашнем архиве писателя и фонде Платонова РГАЛИ, — «Послушайте рассказ о том, как жили-были 52 лодыря-кулака в одной небольшой деревне»⁶ и «Послушайте рассказ, как стали жить восьмеро бедняков из деревни Крохово, не ожидая исполнения пятилетнего плана»⁷.

Невозможно оставить без внимания вопрос хронологии работы Платонова для радио. Известно, что «Крестьянская радиогазета» выходила с апреля 1926 г. (редакционный аппарат существовал при редакции печатной газеты ЦК ВКП(б) — «Крестьянской газеты»), а «Деревенский утренник» с марта 1928 г. Платонов, вероятно, подключился к работе на радио не ранее 1928 г. Биографические сведения о писателе, относящиеся к концу 20-х гг., чрезвычайно скудны. В самых общих чертах известно, что осенью 1927 г., в связи с невозможностью найти в Москве постоянную работу и жилье, Платонов с семьей планировал отъезд из Москвы⁸. Обстоятельства переезда неизвестны, но, как бы то ни было, Платоновы оказались в Ленинграде, где сын писателя впоследствии тяжело заболел. Однако было бы ошибкой связать начало сотрудничества Платонова в «Крестьянской радиогазете» с пред-

положительным временем окончательного возвращения семьи Платоновых в Москву⁹, поскольку оказывается, что Платонов бывал в Москве в то время, как его жена и ребенок оставались в Ленинграде. Немного ясности в ситуацию вносит упоминавшееся выше письмо В. Келлера. Появление этого письма собственно и было вызвано тем, что в июле 1928 г. Платонов, находившийся в Москве, срочно выехал в Ленинград в связи с болезнью сына, оставив Келлеру какие-то поручения, касающиеся радиогазеты¹⁰. Хотя на письме не представлена дата, в нем, как о недавнем, упоминается о разговоре, состоявшемся между Келлером и Платоновым в четверг 12 июля, что, кстати, и позволяет установить год написания письма. Еще более уточнить датировку помогает наличие делового письма Платонова, посланного им из Ленинграда Н. Замошкину 18 июля 1928 г.¹¹ Следовательно, письмо Келлера скорее всего также датируется именно концом июля 1928 г. Учитывая эту датировку, а также время публикации статьи Платонова о «Крестьянской радиогазете», мы получаем, что Платонов определенно работал в редакции радиогазеты во второй половине 1928 — начале 1929 гг.

Впрочем, сотрудничество Платонова с «Крестьянской радиогазетой» могло начаться и ранее второй половины 1928 г. Здесь уточнению биографии писателя способны были бы послужить биографические сведения о его земляках и коллегах по работе — А. Н. Новикове и Н. Н. Тришине (Одоеве). Если доверять непосредственно тексту повести А. Новикова «Причина происхождения туманностей» (М., 1929), в первой половине 1928 г. Новиков и Платонов должны были довольно активно общаться друг с другом. Повесть, как указано самим автором, писалась в декабре 1927 г. — мае 1928 г., в ней явно ощутимо влияние Платонова, последняя же глава сопровождается эпиграфом якобы из письма Платонова автору. Что же касается Н. Тришина, то он на протяжении нескольких лет являлся ответственным редактором «Журнала крестьянской молодежи»¹², но с июля 1928 г. (№ 14) перестает упоминаться в этом качестве в выходных данных «Журнала...», а в декабре того же года его фамилия исчезает из состава редколлегии (№ 23). Возможно, что тесное общение и переписка (если она действительно была) Платонова с Новиковым и служебные перемещения Тришина имеют непосредственное отношение к работе в радиогазете.

В определении «верхней» границы данного периода приходится пока что ориентироваться лишь на предположительную датировку имеющихся радиорассказов. Так, «Усомнившийся Макар» был опубликован в 1929 г. в № 9 журнала «Октябрь», и, следовательно, радиорассказы о Макаре Прохорове созданы не позднее 1-й половины 1929 г. Эта датировка находит уточнение в тексте второго рассказа цикла — «Макар ездил на поездах девять лет тому назад, в девятнадцатом году» и «нынче <...> как и девять лет тому назад, сел в поезд не спросясь», что указывает даже на 1928 г. (вероятно, конец года). К середине осени 1929 г. относится рассказ о 52 лодырях-кулаках, посвященный введению в стране непрерывного рабочего производства¹³. Рассказы о Верещагине и Филате-батраке не могли быть написаны ранее января 1930 г., поскольку в первом из них упоминается новый закон о сбережении скота¹⁴, а во втором уже как общеизвестное обыгрывается классическое словосочетание «кулачество как класс»¹⁵. При всем этом все радиорассказы, вошедшие во «Впрок», написаны не позднее весны 1930 г., поскольку известно, что с начала лета 1930 г. Платоновым предпринимались попытки опубликования уже самого «Впрок». Вообще же, на настоящее время мы не имеем оснований полагать, что в середине 1930 г. — во время и после написания «Впрок» — сотрудничество Платонова с какой-либо радиопрограммой продолжалось.

Как известно, опубликование «Усомнившегося Макара» и «Впрок» («Красная новь». 1931. № 3. С. 3—39) вызвало в адрес Платонова сокрушительную критику и в конечном счете стоило ему возможности печататься на протяжении нескольких последующих лет.

В этой связи чрезвычайно любопытным кажется тот факт, что публикация этих «крамольных» текстов была предварена их полной или частичной радиотрансляцией. Можно только догадываться сколько вообще подобных произведений Платонова прозвучало в эфире со второй половины 1928 г. по начало 1930 г.

К сожалению, существующая в научном обиходе биография Платонова 1928–1930-х гг. относится большей частью к области догадок и предположений. Теперь, по крайней мере, можно утверждать, что в выделенный период значимой частью жизни писателя была работа для радио. Кроме того, обозначился неизвестный ранее источник, из которого Платонов черпал сведения о жизни крестьянства в 1928 и 1929 гг. — крестьянские письма, приходившие, например, на адрес «Крестьянской радиогазеты». В остальном же данный сюжет требует дальнейшего детального уточнения.

КРУГОВОРОТ

Как делается «Крестьянская Радиогазета»

«Крестьянская газета по радио» существует около 3 лет и имеет намерение прожить еще несколько лет, чтобы дожидаться того времени, когда можно будет сделать газету иллюстрированной, то есть когда радиотехника будет способна передавать иллюстрации по радио. Но не в этом главное желание газеты. А в чем же? В том, чтобы опираясь на живое, разумное, дельное и занятное содержание газеты и на авторитет техники, помочь крестьянству вырваться из нужды и раздробленности. Редакция газеты думает, что ей удастся, если ей в придачу пойдет помощь всех крестьян-радиослушателей. А теперь посмотрим, как газета делается и какими путями идет от мачт радиостанции им. Коминтерна до крестьянского уха.

«Крестьянская газета по радио» делается из того вещества, которое ей присылают крестьяне-слушатели в виде своих писем. Редакция газеты составляет лишь звено на замкнутом круге, по которому обращается, так сказать, кровь ума. Почти все содержание радиогазеты делается из крестьянских писем, и к крестьянам же газета возвращается. В редакции производится только отбор крестьянских произведений: полезное от бесполезного, умное от случайного.

Где первопричина «Крестьянской газеты по радио», где тайна ее происхождения? Несомненно, не в Москве и не в редакции. Эта причина — дума крестьянина, которого либо обидели в деревне, либо он задумал изменить жизнь к лучшему, либо просто удивился какому-нибудь явлению природы. И вот этот крестьянин сидит и пишет при лампе, а изредка и под электрическим светом письмо в редакцию. В углу у него радиоприемник, и пока такой радиокрестьянин пишет письмо, его сын надел наушники и слушает музыку из Москвы много лучшую, чем гармоника или пение певчих в церкви.

Письмо написано. В нем основательно содержание. Почему, во-первых, я, бедняк, плачу налог в нынешнем году больше соседа-середняка, разве у нас не советская власть? Почему, во-вторых, радио действует, когда оно действовать без проволочки не должно? И, наконец, чем утешить жену, когда она хочет жить человеческой жизнью и не может утешиться одними ухватами в своей хате у печки?

Другой крестьянин описывает начало своего колхоза и более упорченную и разумную жизнь в нем, чтобы и другим тоже посоветовать.

Письма запечатываются в конверты, и затем их везет кольцевой почтарь по великим уездным грязям до железнодорожной линии. Оттуда до Москвы письма идут, как известно, в почтовом вагоне и гораздо скорее, чем гужом.

Мысль крестьянина, изложенная на бумаге, запечатанной в конверт, и есть питательное вещество для радиогазеты. В Москве письма приходят в редакцию — обычно без марок, так как крестьянин не тратит денег вперед, не зная, выйдет ли прок из его письма или нет. Но прок выходит.

Сперва письма крестьян поступают к техническом секретарю редакции Пелагее Ивановне Кузмичовой — женщине, страдающей душой за все бедствия, изложенные в крестьянских письмах, хотя жалованье она получает не за душу, а за работу. Затем письма сортируются двумя крайне энергичными сотрудниками редакции.

Письма разобраны. Законность, сомнение и помощь обиженным один из них берет себе, чтобы всех утешить. Остальные письма идут другим троим сотрудникам, главным образом, тт. Тришину и Новикову.

Тришин — это зам. редактора. Он меньше пишет и больше следит за тем, чтобы газета была хороша для всех слушателей и вопрошающих. Новиков же, наоборот, — одинокий сатирик, видящий зло на любом добром месте советской страны. Он ищет в письмах обычных действий, чтобы посредством фельетона против активистов зла расчистить столбовую дорогу к социализму. И от его черного пера многие идут под суд, снимаются с должностей и т. д.

Письма крестьян превращаются в газету. Газета перепечатывается на машинке. Затем ее несут ответственному редактору т. Казымову — человеку, который точно знает, чего надо крестьянину на каждый новый день. Он читает газету с жирным пером в руке и безжалостно вычеркивает всякую неточность или легкую мысль, допущенную кем-либо из сотрудников в ответе на крестьянское письмо. После этого сотрудники несут газету в студию радиостанции и присутствуют там в течение часа, пока газета басом читается перед микрофоном. Владельцы басов называются дикторами, обязанность их произносить напечатанные на машинке слова, но самим в это время не думать.

Крестьяне в деревнях слушают газету. Слово и мысль возбуждают их либо на действия по изменению своего хозяйства и жизни, либо на новые слова, — в обоих случаях они снова пишут в редакцию письма, и газета снова живет и питается ради наступления социализма среди изб и пахотных угодий.

О том, как слово из радиогазеты, произнесенной диктором перед микрофоном в студии, доходит до крестьянского уха, мы расскажем в другой раз.

<РАССКАЗЫ О МАКАРЕ ПРОХОРОВЕ>*

<1>

<...>

— Митька, — закричал из толпы подбежавший мальчишка, обращаясь к Мозговому, — твой стригун на борону напоролся!

* © М. А. Платонова.

— Где? — упавшим голосом спросил Мозговой, хватаясь за портфель.

— У Ерошкиного двора, — доказывал с радостью мальчонка, — его дяди Макара Розка испугала, а он как шарахнется, да прямо на борону, и грохнется!

Макар очнулся от задумчивости, потому что догадался. Думать он не мог, имея порожнюю голову над золотыми руками, но зато он мог сразу догадываться.

— Не горюй, — сказал Макар товарищу Мозговому, — я тебе сделаю самоход.

— Как? — спросил Мозговой, потому что не знал, как своими пустыми руками сделать самоход.

— Из обручей и веревок, — ответил Макар, не думая, а ощущая тяговую силу и вращение в тех будущих веревках и обручах.

— Тогда делай скорее, — сказал Мозговой, — а то я тебя привлеку к законной ответственности за незаконные зрелища.

Но Макар думал не о штрафе — думать он не мог, — а вспоминал, где он видел железо, и не вспомнил, потому что вся деревня была сделана из поверхностных материалов: глины, соломы, дерева и пеньки.

Дома Макар выпил от тоски воды и почувствовал вяжущий вкус той воды.

— Должно быть, оттого и железа нету, — догадался Макар, — что мы его с водой выпиваем.

Ночью Макар полез в сухой, заглохший колодезь и прожил в нем сутки, ища железа под сырым песком. На вторые сутки Макара вытащили мужики под командой Мозгового, который боялся, что погибнет гражданин помимо фронта социалистического строительства. Макар был неподъемен — у него в руках оказались коричневые глыбы железной руды. Мужики его вытащили и прокляли за тяжесть, а товарищ Мозговой пообещал оштрафовать Макара за общественное беспокойство.

Однако Макар ему не внял, через неделю сделал из руды железо в печке, после того, как его баба испекла хлебы. Как он отжигал руду в печке — никому не известно, потому что Макар действовал своими золотыми руками, а не пустой головой. Еще через день Макар сделал железное колесо, а затем еще одно колесо, но ни одно колесо само не поехало: их нужно было катить руками.

Пришел к Макару Мозговой и спрашивает:

— Сделал самоход вместо жеребенка?

— Нет, — говорит Макар, — я догадывался, что они бы должны сами показаться, а они — нет.

— Чего ж ты обманул, пустая голова! — воскликнул тогда Мозговой, — делай тогда жеребенка!

— Мяса нет, а то бы я сделал, — отказался Макар.

— А как же ты железо из глины сделал? — вспомнил Мозговой.

— Не знаю, — ответил Макар, — у меня памяти нет.

Мозговой тут обиделся.

— Ты что же, открытые народнохозяйственного значения скрываешь, индивидьявол! Ты не человек, ты единоличник! Я тебя сейчас кругом оштрафую, чтоб ты знал, как думать!

Макар покорился:

— А я ж не думаю, товарищ Мозговой. Я человек пустой.

— Тогда руки укроти, не делай, чего не сознаешь, — упрекнул Макара товарищ Мозговой.

— Ежели бы мне, товарищ Мозговой, твою голову, тогда б я тоже думал, — сознался Макар.

— Вот именно! — подтвердил Мозговой. — Но такая голова одна на все село, и ты должен мне подчиниться.

С тех пор Макар бросил всякие технические устройства и подался в Москву на заработки.

<2>

СЛУШАЙТЕ РАССКАЗ О ПОХОЖДЕНИЯХ МАКАРА ПРОХОРОВА, НАЧАЛО КОТОРЫХ ПОМЕЩЕНО В ПРОШЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. РАССКАЗЫВАЕМ СЕГОДНЯ, КАК МАКАР ЕДЕТ В МОСКВУ НА ЗАРАБОТКИ.

Макар ездил в поездах девять лет тому назад, в девятнадцатом году. Тогда его везли задаром, потому что Макар был сразу похож на батрака, и у него даже документов не спрашивали. «Езжай далее, — говорила ему, бывало, пролетарская стража, — ты нам мил, раз ты гол».

И Макар ехал, радуясь богатству советской власти, которая возит бесплатно неизвестных людей.

Нынче Макар, так же, как и девять лет тому назад, сел в поезд не спросившись, удивившись малолюдию и открытым дверям. Но все-таки Макар сел на сцепках, а не в середине вагона, чтобы смотреть, как действуют колеса на ходу. Колеса начали действовать, и поезд поехал в середину государства — в Москву.

Поезд ехал быстрее любой полукровки. Степи бежали навстречу поезду и никак не кончались. «Замучают они машину, — жалел колеса Макар, — действительно, чего только в мире нет, раз он просторен и пуст».

Руки Макара находились в покое, ихняя свободная золотая сила пошла в его пустую голову — и он стал думать. Макар сидел на сцепках и думал, что мог. Однако долго Макар не просидел. Пошел стрелочник без оружия и спросил у него билет. Билета у Макара с собой не было, так как по его предположению была советская твердая власть, которая теперь и вовсе задаром возит всех нуждающихся. Стрелочник-контролер сказал Макару, чтобы он слезал от греха на первом полустанке, где есть буфет, дабы Макар не умер с голоду на глухом перегоне. Макар увидел, что о нем власть заботится, раз не просто гонит, а предлагает буфет, — и поблагодарил начальника поездов.

На полустанке Макар все-таки не слез, хотя поезд остановился сгружать конверты и открытки из почтового вагона. Макар вспомнил одно техническое соображение и остался на поезде, чтобы помогать ему ехать дальше... «Чем вещи тяжелее, — представлял себе Макар камень и пух, — тем оно далее летит, когда его бросишь; так и я на поезде еду лишним кирпичом, чтобы поезд смог домчаться до Москвы».

Не желая обижать поездного стражника, Макар залез в глубину механизма, под вагон, и там лег на отдых, слушая волнующуюся скорость колес. От покоя и зрелища путевого песка Макар глухо заснул и увидел во сне, будто он отрывается от земли и летит по холодному ветру. От этого чувства он жалел оставшихся на земле людей.

— Сережка, что же ты шейки горячими бросаешь! — Макар проснулся от этих слов и взял себя за шею: цело ли его тело и вся внутренняя жизнь?

— Ничего, — крикнул издали Сережка, — до Москвы недалеко: не сторит!

Поезд стоял на станции. Мастеровые пробовали вагонные оси и тихо ругались. Макар вылез из-под вагона и увидел вдалеке центр всего государства — главный город Москву.

— Теперь я пешком дойду! — сообразил Макар. — Авось поезд домчится и без добавочной тяжести!

И Макар тронулся в направлении башен, церквей и грозных сооружений — в город чудес науки и техники, чтобы добывать себе жизнь умелыми руками под золотыми головами храмов и вождей.

<3>

СЛУШАЙТЕ РАССКАЗ О МАКАРЕ — ЗОЛОТЫХ РУКАХ И ПУСТОЙ ГОЛОВЕ. МАКАР В ПРОШЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ЕХАЛ В МОСКВУ, А ТЕПЕРЬ ОН УЖЕ ПРИЕХАЛ В ЭТОТ ГОРОД — О ЧЕМ И ВЕДЕТСЯ РАССКАЗ.

Струзив себя с поезда, Макар пошел на видимую Москву, интересуясь этим центральным городом. Чтобы не сбиться, Макар шагал около рельсов и удивлялся частым станционным платформам. Близ платформы росли сосновые и еловые леса, а в лесах стояли деревянные домики. Деревья росли жидкие, под ними валялись конфетные бумажки, винные бутылки, колбасные шкурки и прочее испорченное добро. Трава под гнетом человека здесь не росла, а деревья тоже больше мучились и мало росли. Макар понимал такую природу неотчетливо: «Не то тут особые негодяи живут, что даже растения от них дохнут! Ведь это ж весьма печально: человек живет и рождает близ себя пустыню! Где ж тут наука и техника?»

Погладив грудь от сожаления, Макар пошел дальше. На станционной платформе выгружали из вагона пустые молочные бидоны, а с молоком ставили в вагон. Макар остановился от своей мысли:

— Опять техники нет! — вслух определил Макар такое положение. — С молоком посуду везут — это правильно: в городе тоже живут дети и молоко ожидают. Но пустые бидоны зачем возить на машине? Ведь только технику зря тратят, а посуда объемистая!

Макар подошел к молочному начальнику, который заведовал бидонами, и посоветовал ему построить отсюда и вплоть до Москвы молочную трубу, чтобы не гонять вагонов с пустой молочной посудой.

Молочный начальник Макара выслушал — он уважал людей из масс, — однако посоветовал Макару обратиться в Москву: там сидят умнейшие люди, и они заведуют всеми починками.

Макар осерчал:

— Так ведь же ты возишь молоко, а не они! Они его только пьют, им лишних расходов техники не видно!

Начальник объяснил:

— Мое дело наряжать грузы: я исполнитель, а не выдумщик труб.

Тогда Макар от него отстал. В Москве было позднее утро. Десятки тысяч людей неслись по улицам, словно крестьяне на уборку урожая.

— Чего же они делать будут? — стоял и думал Макар в гуще сплошных людей. — Наверно, здесь могучие фабрики стоят, что одевают и обувают весь далекий деревенский народ!

Макар посмотрел на свои сапоги и сказал бегущим людям спасибо — без них он жил бы разутым, раздетым. Почти у всех людей имелись под мышками кожаные мешки, где, вероятно, лежали сапожные гвозди и дратва.

— Только чего же они бегут, силы тратят? — озадачился Макар. — Пускай бы лучше дома работали, а харчи можно по дворам гужом развезить!

Но люди бежали, лезли в трамваи до полного сжатия рессор и не жалели своего тела ради пользы труда. Этим Макар вполне удовлетворился. «Хорошие люди, — думал он, — трудно им до своих мастерских дорваться, а — охота!»

Трамваи Макару понравились, потому что они сами едут, и машинист сидит в переднем вагоне очень легко, будто он ничего не везет. Макар тоже влез в вагон — без всякого усилия, так как его туда толкнули задние спешные люди. Вагон пошел плавно, под полом рычала невидимая упорная машина, и Макар слушал ее и сочувствовал ей.

— Бедная работница! — думал Макар о машине. — Везет и тужится. Зато полезных людей к одному месту несет — живые ноги бережет!

Женщина — трамвайная хозяйка — давала людям квитанции, но Макар, чтобы не затруднять хозяйку, отказался от квитанции.

— Я так! — сказал Макар и прошел мимо хозяйки.

Хозяйке кричали, чтоб она чего-то дала по требованию, и хозяйка соглашалась. Макар, чтобы проверить, чего здесь дают, тоже сказал:

— Женщина, дай и мне чего-нибудь по требованию!

Хозяйка дернула веревку, и трамвай скоро окоротился на месте.

— Вылазь — тебе — по требованию, — сказали граждане Макару и вытолкнули его своим напором.

Макар вышел на воздух.

Воздух был столичный: пахло возбужденным газом машин и железной пылью трамвайных тормозов.

— А где же тут самый центр государства? — спросил Макар нечаянного человека.

Человек показал рукой и бросил папиросу в уличное помойное ведро. Макар подошел к ведру и плюнул туда, чтобы иметь право всем в городе пользоваться.

Дома стояли настолько грузные и высокие, что Макар пожалел советскую власть: трудно ей держать в целости такую жилищную снасть.

На перекрестке милиционер поднял торцом вверх красную палку, а из левой руки сделал кулак для подводчика, везшего ржаную муку.

— Ржаную муку здесь не уважают, — заключил в уме Макар, — здесь белыми жамками кормятся.

— Где здесь есть центр? — спросил Макар у милиционера. Милиционер показал Макару под гору и сообщил: — У Большого театра.

Макар сошел под гору и очутился среди двух цветочных лужаек. С одного бока площади стояла стена, а с другого — дом со столбами. Столбы те держали наверху

четверку чугунных лошадей, и можно бы столбы сделать потоньше, потому что четверка была не столь тяжела.

Макар стал искать на площади какую-либо жердь с красным флагом, которая бы означала середину центрального города и центр всего государства, но такой жерди нигде не было, а стоял камень с надписью. Макар оперся на камень, чтобы постоять в самом центре и проникнуться уважением к самому себе, к своему государству. Макар счастливо вздохнул и почувствовал голод. Тогда он пошел к реке и увидел постройку неимоверного дома.

— Что здесь строят? — спросил он у прохожего.

— Вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла! — ответил прохожий.

Макар решил туда наведаться, чтобы поработать на постройке и покушать.

В воротах стояла стража. Стражник спросил:

— Тебе чего, жлоб?

— Мне бы поработать чего-нибудь, а то я отошал, — заявил Макар.

Здесь подошел каменщик и заслушался Макара.

— Иди в наш барак к общему котлу — там ребята тебя покормят, — помог Макару каменщик, — а поступить ты к нам сразу не можешь, ты живешь на воле, а стало быть никто. Тебе надо сначала в союз рабочих записаться.

И Макар пошел в барак кушать из котла, чтобы поддержать в себе жизнь для дальнейшей лучшей судьбы.

СЛУШАЙТЕ ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОХОЖДЕНИЯ МАКАРА В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «УТРЕННИКА».

<4>

ТЕПЕРЬ СЛУШАЙТЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА О ПОХОЖДЕНИЯХ ДЕРЕВЕНСКОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ-БЕДНЯКА МАКАРА ПРОХОРОВА. МАКАР ПРИЕХАЛ В МОСКВУ И ПОПАЛ В ПОИСКАХ РАБОТЫ НА СТРОЙКУ БОЛЬШОГО ДОМА. ВОТ КАКИЕ СОБЫТИЯ ПРОИСХОДЯТ С НИМ ДАЛЬШЕ.

На стройке того дома в Москве, который назвал встречный человек вечным, Макар ужился. Сначала он наелся черной и питательной каши в рабочем бараке, а потом пошел осматривать строительный труд. Действительно, земля была всюду поражена ямами, народ суетился, машины неизвестного названия забивали сваи в грунт, бетонная каша самотеком шла по лоткам, и прочие трудовые события тоже происходили на глазах. Видно, что дом строился, — хотя неизвестно, для кого. Макар и не интересовался, что кому достанется, — он интересовался техникой как будущим благом для всех людей. Начальник Макара по родному селу — товарищ Мозговой, тот бы, конечно, наоборот, заинтересовался распределением жилой площади в будущем доме, а не чугунной свайной бабкой, но у Макара были только золотые руки, а голова пустая; поэтому он только и думал, как бы чего сделать.

Макар обошел всю постройку и увидел, что работа идет быстро и благополучно. Однако что-то заунывно томилось в Макаре — пока не известно что. Он вышел на середину работ и окинул общую картину труда своим взглядом: явно чего-то недоставало на постройке, что-то было утрачено, но что — неизвестно, только в

груди у Макара росла какая-то совестливая рабочая тоска. От печали и от того, что сытно покушал, Макар нашел тихое место и там отошел ко сну. Во сне Макар видел озеро, птиц, забытую сельскую рошу, а что нужно, чего не хватает на постройке — того Макар не увидел. Тогда Макар проснулся и вдруг открыл недостаток постройки: рабочие запаковывали бетон в железные каркасы, чтобы получилась стена. Но это же не техника, а черная работа! Чтобы получилась техника, надо бетон подавать наверх трубами, а рабочий будет только держать трубу и не уставать, а думать.

Макар сейчас же пошел искать главную московскую техническую контору. Такая контора помещалась в прочном несгораемом помещении. Макар нашел там одного малого у дверей и сказал ему, что он изобрел строительную кишку. Малый его выслушал и даже расспросил о том, чего Макар сам не знал, а потом отправил Макара на лестницу к главному писцу. Писец этот был ученым инженером, однако он решил почему-то писать на бумаге, не касаясь руками строительного дела. Макар и ему рассказал про кишку.

— Дома надо не строить, а отливать, — сказал Макар умному писцу.

Писец прослушал и заключил:

— А чем вы докажете, товарищ изобретатель, что ваша кишка дешевле обычной бетонировки?

— А тем, что я это ясно чувствую, — доказал Макар.

Писец подумал что-то втайне и послал Макара в конец коридора:

— Там дают неимущим изобретателям по рублю харчи и бесплатный билет по железной дороге.

Макар получил рубль и квитанцию на ночлег, отказавшись от билета.

В другой комнате Макару дали бумагу в профсоюз, дабы он получил там усиленную поддержку, как человек из массы и изобретатель кишки. Макар подумал, что в профсоюзе ему сегодня же должны дать денег на устройство кишки, и радостно пошел туда.

Профсоюз помещался в еще более громадном доме, чем техническая контора. Часа два бродил Макар по ущельям того профсоюзного дома в поисках начальника массовых людей, что был написан на бумаге, но начальника не оказалось на служебном месте — он где-то заботился о прочих трудящихся. В сумерки начальник пришел, съел яичницу и прочитал бумажку Макара через посредство своей помощницы — довольно миловидной девицы. Девица та сходила в кассу и принесла Макару новый рубль, а Макар расписался в получении его как безработный батрак. Бумагу Макару отдали обратно — на ней в числе прочих букв теперь значилось: «Товарищ Лопин, помоги члену нашего союза устроить его изобретение кишки по промышленной линии».

Макар остался доволен и на другой день пошел искать промышленную линию, чтобы увидеть на ней товарища Лопина. Ни милиционер, ни прохожие не знали такой линии, и Макар решил ее найти самостоятельно. На улицах висели плакаты и красный сатин с надписью того учреждения, которое и нужно было Макару. На плакатах ясно указывалось, что весь пролетариат должен твердо стоять на линии развития промышленности. Это сразу вразумило Макара: нужно сначала отыскать пролетариат, а под ним будет линия и где-нибудь рядом товарищ Лопин.

— Товарищ милиционер, — обратился Макар, — укажи мне дорогу на пролетариат.

<5>

СЛУШАЙТЕ РАССКАЗ О ПОХОЖДЕНИЯХ МАКАРА ПРОХОРОВА. В ПРОШЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ МЫ РАССКАЗАЛИ, КАК МАКАР ПРИБЫЛ В МОСКВУ, ИЗОБРЕЛ В ГОЛОВЕ КИШКУ ДЛЯ ЛУЧШЕЙ ПОСТРОЙКИ ДОМОВ И ТЕПЕРЬ ИЩЕТ В МОСКВЕ ПРОЛЕТАРИАТ ДЛЯ ПОМОЩИ СЕБЕ И СВОЕМУ ИЗОБРЕТЕНИЮ.

СЛУШАЙТЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА!

Макар шел по Москве к пролетариату и удивлялся силе города, бегущей в автобусах, трамваях и на живых ногах толпы.

— Много харчей надо, чтобы питать такое телодвижение! — рассуждал Макар в своей голове, умевшей думать, когда руки были незаняты.

— Сколько мужиков должны зря жить на свете, чтобы здешние люди не умерли с голоду!

Озабоченный и загоревавший Макар наконец достиг того дома, местоположение которого ему указал постовой. Дом тот оказался ночлежным приютом, где пролетариат в ночное время преклонял голову. Раньше, в дореволюционную бытность, пролетариат клал свою голову ночью на простую землю — и над тою головою шли дожди, светил месяц, брели звезды, дули ветры, а голова та лежала, стыла и спала, потому что она была усталая. Нынче же голова пролетариата отдыхала на подушке под потолком и железным покровом крыши, а ночной ветер природы уже не беспокоил волос на голове пролетария, некогда лежавшего прямо на поверхности земного шара.

Макар увидел несколько новых чистоплотных домов и остался доволен советской властью: ничего себе властишка, — оценил Макар, — только надо, чтобы она не избаловалась, потому что она наша.

В ночлежном доме была контора, как во всех московских жилых домах. Без конторы, оказывается, сейчас началось бы всюду светопреставление, а писцы давали всей жизни хотя и медленный, но правильный ход. Макар и писцов уважал: пусть живут, — решил про них Макар, — они же думают чего-нибудь, раз жалование получают, а раз они от должности думают, то, наверное, станут умными людьми, а их нам и надобно!

— Тебе чего? — спросил Макара комендант пролетарского ночлега.

— Мне бы нужен был пролетариат, — сообщил Макар.

— Какой слой? — узнавал комендант.

Макар не стал задумываться — он знал вперед, что ему нужно.

— Нижний, — сказал Макар. — Он погуше, там людей побольше, там самая масса!

— Ага, — понял комендант. — Тогда тебе надо вечера ждать: кого больше придет, с теми и ночевать пойдешь. Либо с нищими, либо с сезонниками.

— Мне бы с теми, кто самый социализм строит! — попросил Макар.

— Ага! — снова понял комендант. — Так тебе нужен, кто новые дома строит?

Макар здесь усомнился.

— Так дома же и раньше строили, когда Ленина не было, какой же тебе социализм в пустом доме?

Комендант тоже задумался, тем более что он сам точно не знал, в каком виде должен представиться социализм — будет ли в социализме удивительная радость, и какая?

— Дома-то строили раньше, — согласился комендант. — Только в них тогда жили негодяи, а теперь я тебе талон даю на ночевку в новый дом.

— Верно, — обрадовался Макар. — Значит, ты правильный помощник советской власти.

Макар взял талон и сел на груды кирпича, оставшегося беспризорным от постройки.

— Тоже, — обсуждал Макар, — лежит кирпич подо мной, а пролетариат тот кирпич делал и мучился: мала советская власть — своего имущества не видит!

Досидел Макар на кирпиче до вечера — проследил, как солнце угасло, как огни зажглись, как воробьи исчезли с навоза на покой.

Стали наконец являться пролетарии — кто с хлебом, кто без него, кто больной, кто уставший, но все — миловидные от долгого труда и добрые той добротой, которая происходит от измождения.

Макар подождал, пока пролетариат разлежся на государственных койках и перевел дыхание от дневного строительства. Тогда Макар смело вошел в ночлежную залу и объявил, став посреди пола:

— Товарищи работники труда! Вы живете в родном городе Москве, в центральной силе государства, а в нем непорядки и утраты ценностей...

Пролетариат пошевелился на койках.

— Митрий! — глухо произнес чей-то широкий гóлос. — Плесни на него водой, чтоб он стал нормальным...

Макар не обиделся, потому что перед ним лежал пролетариат, а не враждебная сила.

— У вас не все выдумали, — говорил Макар. — Молочные банки из-под молока на ценных машинах везут, а они порожние — их выпили. Тут бы трубы достаточно было и поршневого насоса... То же и в строительстве домов и сараев — их надо из кишки отливать, а вы их по мелочам строите... Я ту кишку придумал и вам ее даром даю, чтобы социализм и прочее благоустройство наступило скорей...

— Какую кишку? — произнес тот же глухой голос невидимого пролетария.

— Свою кишку, — подтвердил Макар.

Пролетариат сначала помолчал, а потом чей-то ясный голос прокричал из дальнего угла некие слова, и Макар их услышал, как ветер:

— Нам не кишка нужна — ты нам душу изобрети. Нам сила не дорога — мы и по мелочи дома поставим, нам душа дорога. Раз ты человек, то дело не в домах, а в сердце. Мы здесь все на расчетах работаем, на охране труда живем, на профсоюзах стоим, на клубах увлекаемся, а друг на друга не обращаем внимания — друг друга закону поручили... Даешь душу, раз ты изобретатель!

Макар сразу пал духом. Он изобретал всякие вещи, но души не касался, а это оказалось для здешнего народа главным изобретением. Макар лег на государственную койку и затих от сомнения, что всю жизнь занимался непролетарским делом.

Спал Макар недолго, потому что он во сне начал страдать. И страдание его перешло в сновидение, он увидел во сне гору или возвышенность, и на той горе

стоял самый умный человек. А Макар лежал под той горой, как сонный дурак, и глядел на самого умнейшего, ожидая от него либо слова, либо дела. Но человек тот стоял и молчал, не видя горящего Макара и думая лишь о целостном масштабе, но не о частном Макаре. Лицо умнейшего человека было освещено заревом дальней массовой жизни, что расстилалась под ним вдалеке, а глаза были страшны и мертвы от нахождения на высоте и слишком далекого взора. Умнейший молчал, а Макар лежал во сне и тосковал.

— Что мне делать в жизни, чтоб я был себе и другим нужен? — спросил Макар и затих от ужаса.

Умнейший молчал по-прежнему без ответа, и миллионы живых жизней отражались в его мертвых глазах.

Тогда Макар в удивлении пополз на высоту по мертвой каменистой почве. Три раза в него входил страх перед неподвижно-умнейшим, и три раза страх изгонялся любопытством. Если бы Макар был умным человеком, то он не полез бы на ту высоту, но он был отсталым человеком, имея лишь золотые руки под пустой головой. И силой своей любопытной глупости Макар долез до умнейшего и тронул слегка его толстое громадное тело. От прикосновения неизвестное тело шевельнулось, как живое, и сразу рухнуло на Макара, потому что оно было мертвое.

Макар проснулся от удара и увидел над собой ночлежного надзирателя, который коснулся его чайником по голове, чтобы Макар проснулся.

Макар сел на койку и увидел рябого пролетария, умывавшегося из блюдца без потери капли воды. Макар удивился способу начисто умываться горстью воды и спросил рябого:

— Все ушли на работу, чего же ты один стоишь и умываешься?

Рябой промокнул мокрое лицо о подушку, высох и ответил:

— Потому что я не верблюд, я был в Месопотамии и видел там ослов — высокое существо, лучший пролетарий посреди скотов...

Макар ничего не понимал в верблюдах и ослах — он любил лишь механизмы и уважал человека. Но рябой, будучи ленивым и оттого рассудительным, сам объяснил свое умственное воззрение:

— Я устал от прошлой жизни, — сказал рябой. — Понял ты? А осел, когда устанет, ни за что не будет трудиться — он честный рабочий, его, брат, не поугнетаешь; его бей — не бей, он умрет, а с места не сдвинется, потому что он сознательный пролетарий и от него буржуазия не потолстеет...

Макар соглашался: он видел ослов на картинках — смиренные существа и должно быть умные в своей глубине.

А рябой говорил дальше, потому что он давно решил, что работающих пролетариев много, а думающих мало — и он назначил себя думать за всех.

— Ослы умней слонов, — говорил рябой. — Если бы пролетарии были, как ослы, никакой буржуазии бы никогда не произошло — имей в виду! Попробуй осла заставить работать сверх его желаний и потребности — он тебе не позволит! А наш пролетарий — не осел, а верблюд, — он тебе не ест, а работает. Знаешь, верблюд ест кустарник, пьет песок, а сам все идет и груз везет. А дело в осле, а не верблюде. Понял ты меня или молчишь от дурасти и угнетения?

— От горя и сомнения, — ответил Макар.

— Ага, — обрадовался рябой, — а кто тебе горе организовал? Верблюды, дьяволы, а не ослы!

— Должно, они, — согласился Макар.

— Ну вот и пойдем стало быть искать ослов, — предложил рябой.

И Макар поднялся, чтобы идти с рябым искать ослов среди верблюдов.

<6>

СЛУШАЙТЕ РАССКАЗ О ПОХОЖДЕНИЯХ МАКАРА ПРОХОРОВА. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ, ПОКА МЫ НЕ РАССКАЗЫВАЛИ, МАКАР ХОДИЛ ПО МОСКВЕ, ОСМАТРИВАЛ ЛЮДЕЙ НАРАВНЕ СО ЗДАНИЯМИ И НАШЕЛ СЕБЕ ДРУГА — РЯБОГО ПЕТРА, КОТОРЫЙ ЗАНИМАЛСЯ ТЕМ, ЧТО ЕЛ И НЕ ТРУДИЛСЯ. ВМЕСТЕ С ПЕТРОМ МАКАР ПОШЕЛ ДАЛЬШЕ ПО МОСКВЕ — ИСКАТЬ ДЛЯ СЕРДЦА СМЫСЛ ЖИЗНИ И, ЗАОДНО, ПИЩУ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Навстречу Макару и Петру шло множество женщин, одетых в тугую одежду, и мужчин, укрытых более свободно для тела. Тысячи других женщин и мужчин ехали в автомобилях и фаэтонах, которые скрежетали от живого веса людей. Макар осматривал московский народ и думал:

— Люди здесь сытые, лица у всех чистоплотные, живут они обильно, — они бы размножаться должны, а детей незаметно.

Про это Макар сообщил Петру.

— Здесь не природа, а культура, — объяснил Петр. — Здесь люди живут семьями без размножения, тут кушают без производства труда...

— А как же? — удивился Макар.

— А так, — сообщил знающий Петр. — Мужик живет по арифметике: сеет, жнет и жрет. Получается сложение и умножение. А потом он опять нуждается и размножается, — выходит вычитание и деление. А в больших городах того нет — тут наука и высшая математика. Иной одну мысль напишет на квитанции — за это его с семейством целых полтора года кормят... А другой и не пишет ничего — просто живет для почета и уважения.

Ходили Макар и Петр до вечера — осмотрели Москву-реку, улицы, лавки, где продавался трикотаж, и захотели есть.

— Пойдем в милицию обедать, — сказал Петр.

Макар пошел — он сообразил, что в милиции кормят.

— Я буду говорить, а ты молчи и мучайся, — заранее предупредил Макара Петр.

В милиционном отделении сидели грабители, бездомные, люди-звери и неизвестные несчастные. А против всех сидел дежурный надзиратель и принимал народ в живой затылок. Иных он отправлял в арестный дом, иных — в больницу, иных устранял прочь обратно.

Когда дошла очередь до Петра и Макара, то Петр сказал:

— Товарищ начальник, я вам психа на улице поймал и за руку привел.

— Какой же он псих? — спрашивал дежурный по отделению. — Чего ж он сделал в общественном месте для нарушения пристойности?

— А ничего, — открыто сказал Петр. — Он ходит и волнуется, а потом возьмет и убьет: суди его тогда. А лучшая борьба с преступностью — это предупреждение ее. Вот я и предупредил преступление.

— Резон, — согласился начальник. — Я сейчас его направлю в институт психопатов — на общее исследование...

Милиционер написал бумажку и загоревал:

— Не с кем вас препроводить — все люди в разгоне...

— Давай я его сведу, — предложил Петр. — Я человек нормальный, это он — псих.

— Вали! — обрадовался милиционер и дал Петру бумажку.

В институт душевноболящих Петр и Макар пришли через час. Петр сказал, что он приставлен милицией к опасному дураку и не может его оставить ни на минуту, а дурак ничего не ел и сейчас начнет бушевать.

— Идите на кухню, вам там дадут покушать, — указала добрая сестра-посиделка.

— Он ест много, — отказался Петр. — Ему надо шей чугуна и каши чугуна. Пусть принесут сюда, а то он еще харкнет в общий котел.

Сестра служебно распорядилась. Макару принесли тройную порцию вкусной еды, и Петр насытился заодно с Макаром.

В скором времени Макара принял доктор и начал спрашивать у Макара такие обстоятельные мысли, что Макар по невежеству своей жизни отвечал на эти докторские вопросы, как сумасшедший. Здесь доктор ощупал Макара и нашел, что в его сердце бурлит лишняя кровь.

— Надо его оставить на испытание, — заключил про Макара доктор.

И Макар с Петром остались ночевать в душевной больнице. Вечером они пошли в читальную комнату, и Петр начал читать Макару книжки Ленина вслух:

— Наши учреждения — дерьмо, — читал Ленина Петр, а Макар слушал и удивлялся точности ума Ленина. — Наши законы — дерьмо. Мы умеем предписывать и не умеем исполнять. В наших учреждениях стоят враждебные нам люди, а наши товарищи стали сановниками и работают, как дураки...

Другие больные душой тоже заслушались Ленина — они не знали раньше, что Ленин знал все.

— Правильно! — поддакивали больные душой рабочие и крестьяне.

— Побольше надо в наши учреждения рабочих и крестьян, — читал дальше рябой Петр. — Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьими бумажками наших учреждений. И я не теряю надежды, что нас за это когда-нибудь поделом повесят...

— Видал? — спросил Макара Петр. — Ленина и то могли замучить учреждения, а мы ходим и лежим, а Ленина спасти не можем. Вот она тебе, вся революция, написана живьем... Книгу я эту отсюда украду, потому что здесь учреждение, а завтра мы с тобой пойдем в любую контору и скажем, что они — дерьмо и дураки, а мы — рабочие и крестьяне. Сядем с тобой в учреждение и будем хлеб есть от государства...

— Да уж пора, — согласился Макар. — До каких пор они там против Ленина будут идти?

После чтения Макар и Петр легли спать, чтобы отдохнуть от дневных забот в сумасшедшем доме. Тем более что завтра обоим предстояло идти бороться за ленинское и общебедняцкое дело.

ПОСЛУШАЙТЕ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЖИЛИ-БЫЛИ 52 ЛОДЫРЯ-КУЛАКА В ОДНОЙ НЕБОЛЬШОЙ ДЕРЕВНЕ.

В деревню под названием Годовалое пришел пожилой плотник. Он целый год работал в городе, а теперь вернулся ко двору. Пришли к нему в хату односельчане и стали пытаться у плотника, что такое новая жизнь.

Деревня Годовалое была дальняя, жила в стороне ото всех трактов и железных дорог, поэтому только еще готовилась к новой жизни, но не успела приступить к ней.

— Мы здесь живем, — сказали земляки плотнику, — ни слуха не слышим, ни духа не чуем. Расскажи нам, что в нашем государстве случилось самого лучшего?

Плотник надолго задумался, а потом сказал:

— Расскажу я вам притчу, а вы слушайте меня сознательно. Была земля, а на земле стояла бедная деревня, а над деревней висело небо, и больше нет ничего. В той деревне жили 52 двора, а в каждом дворе существовало по одному семейству, а в семействе — по 7 душ. Шесть душ работали, а седьмой человек считался важным хозяином и круглый год ничего не делал. Ну, бывало иногда, что одна из работающих душ вдруг запьянствует или устанет, вдарится оземь и отдохнет. А кроме того, деревню объедали двенадцать помещиков. И вот выходило, что рабочей, будней душе почти ничего не оставалось из еды или одежды, оставался только сон, и то в ночное время. Потому что все поедал и пропивал свой дворовый кулак, да еще двенадцать уездных помещиков ему помогали. Оттого деревня жила и почти не дышала от нужды, а только вздыхала и видела сны счастья по ночам. А теперь пусть я вас спрошу: кто такие эти семейные кулаки, кто — домашние лодыри, и кто — двенадцать помещиков?

Односельчане задумались.

— Мало ли кто? Так кто-нибудь!

— Осталец доревоенного строя...

— Какой тебе осталец? — возразил плотник, — Они и теперь живут еще!

— Тогда это нам неизвестно.

— У нас ведь понятия мало — мы отсталые.

— Разве догадаешься? Вон Егорка на третьей женщине оженился, а и она уйдет.

— Почему ж уйдет?

— А он от отсталости своей стал слабосилен, и детей рожать не может. У него все тело отстало.

— Кулак в семействе — это едущий старик!

— При чем тут старик? Старик разве кулак: он — дело немощное.

— А помещик не иначе как штрафной служащий из уезда!

— Дурак: служащий тоже слабо-трудолюбивый!

— Нет, — сказали плотнику все собеседники, — не можем понять: старый строй-стервец от ума нас отучил. Говори сам!

— Сам я не скажу, — пробизнес плотник, — вы сами догадайтесь: больше убедительности будет!

— Давай я выражусь, — объявил один парень-пастух. — Не то так, не то нет!

— Говори, Фома, — сказали все. — Твое пастушье дело не хитро: сидишь в поле и соображаешь, что тебя не касается.

— Глупый человек по разу в год умным бывает: в нем жизнь скопляется!

Пастух Фома помолчал от смущения и унижения, а затем провозгласил:

— Двенадцать помещиков, должно быть, двенадцать годовых праздников: потому что в них пьют брагу и проедают скотину с имуществом, а бабы плачут. Кулак в семидушном семействе, наверно — воскресенье. Шесть будней-батраков трудятся, а в воскресенье жируют и все шесть дней погибают почти что напрасно. А вот те лодыри и объедалы из будней — то наверно разные праздники среди года и попереk недели... А может и не так — я ведь говорю слабо!

— Так, Фома, — сказал плотник. — Ты всю истину разгадал: тебе пора в авангард записываться!.. И вот теперь слушайте: 52 да 12, это тебе будет 64, да еще праздничной мелочи набегит дён 10, а всего 74 дня в году шли прахом и объедали остальные будни как буржуазия. А теперь советская власть заставила работать всех бывших кулаков и помещиков — все праздники, чтоб гуще пошел продукт в рот и в тело любого трудящегося...

— А где ж отдых? Ведь народ лопнет от сплошного труда...

— Народу отдых будет прежний, и даже больше. Одни машины и принадлежности не будут отдыхать...

Собеседники помолчали, чтобы успеть подумать, а потом сказали:

— Вот это справедливо! Это нам вполне в пользу: мертвый инвентарь всегда должен на живого работать. А кроме того, не только посреди людей, но и попереk календаря не полагается быть кулакам и буржуазным остаткам. День — великое дело, он год может кормить. А 74 дня — тем более. Праздники — это убыток...

— Про это я и хотел сказать, — заключил плотник. — Тут и есть самое великое дело советской власти за нынешний год.

— Ну, тогда тебе спасибо, — поблагодарили все. — Теперь у нас полегчало в груди.

И тем кончилась беседа и кончается наш рассказ.

ПОСЛУШАЙТЕ РАССКАЗ, КАК СТАЛИ ЖИТЬ ВОСЬМЕРО БЕДНЫХ ИЗ ДЕРЕВНИ КРОХОВО, НЕ ОЖИДАЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА.

В деревне Крохово одна баба постоянно была своего мужика. Мужик ходил на нее жаловаться в совет, но там ему сказали:

— Если бы ты ее бил, тогда б ты был контрреволюционер, а она — нет, она мягкое существо.

— Тогда я выскажусь против советской власти! — заявил мужик. — Раз баба меня мучает, а расправы нету, то пусть государство без меня обходится. Может, она и не женщина, а лишь прочее существо, скажем, зверь в секрете.

— Звериным делом заведует ветеринар, — сказали в сельсовете, — дойди до него.

Мужик пошел к ветеринару.

— Дай, — говорит, — настойки какой-нибудь против женской гадости.

— На, — сказал ветеринар, — это против желудка, все начинается с него. Человек — четверть лошади. Дашь ей половину поллитровки. Меру-то знаешь?

— Еще бы! Всю французскую систему благодаря бутылкам постиг!

Начал мужик лечить свою бабу. Баба похудела, посинела, но еще более начала крыть рукой и словом своего мужа, точно в ней теперь вместо крови стал течь гной.

— Лекарство ей не поможет, — сказал секретарь сельсовета мужику той бабы, — тебя могут к ответственности привлечь за насильное измождение второстепенного пола.

— А что ж мне делать-то? — спросил мужик. — Вчерашний день она меня кадкой по голове треснула, а была б здорова, так передком телеги ляпнула бы! Я от таких ударов жизни думать не могу!

— Ну-к что ж! — ответил секретарь. — Твое дело — временное. Тебе надо ждать.

— Чего же ждать-то? Аль что случится?

— Культурная революция случится, — сообщил секретарь. — Тогда твое тело никто не тронет.

— А когда ж она будет-то?

— Через пять лет! — сказал секретарь. — Один год уже прошел, — считай четыре года тебе осталось терпеть.

— Это я вытерплю, — обрадовался мужик. — У меня кости каменистые.

И он стал терпеть, отрывая ежедневно листок календаря.

— Баба, — обращался он к жене, — ты теперь драться спеша, тебе тысяча четыреста дней осталось, а завтра будет на одни сутки меньше.

Боль от побоев стала теперь слабее, потому что этот семейный мужик чувствовал смысл своей жизни и терпения — культурную революцию.

Тем временем секретарь сельсовета составил особый список жителей села, которые попали после революции в угнетенное положение. Это были вечные мученики жизни: у кого баба была лиха, стало быть в семье есть нехватка культуры; кто горел через год, словно он жил не в деревне, а на огнедышащей горе; кто дошел до такой нищеты, что рвал питательные растения среди бурьяна, никогда не имея нивы.

Собрал таких удрученных секретарь и сказал им:

— Через пять лет, считай — через четыре, потому что год миновал на подготовку, — через пять лет вы ждите себе блага. Вам его даст наше правительство по пятилетнему плану, потому что после революции остался еще народ в стране вроде вас, который живет как лебеда в просе.

— А нам ничего не надо делать? — спросил один крестьянин, что всю жизнь терпел пожары. — Может, помочь надо чем-нибудь?

— Нет, — ответил секретарь. — живите неподвижно. Благо произойдет от крупного строительства, от механизма, а вы терпите молча, у вас механизма нету.

— Это мы приветствуем! — воскликнул другой односельчанин, питавшийся из бурьяна. — Нам благо вот как нужно, без него мочи нету жить! Раньше хоть в бога можно верить — все ж таки были в уме покой и вещество, а теперь вера — дело безумное, а в жизни утехи нету.

— Вот вам и утеха, вот вам и смысл жизни, — четко объяснял председатель совета, — через пять лет половина социализма будет готова, и вам там будет уготовано светлое место!

— Половинка только?! — отозвался один слушатель. — А когда ж мы его целиком получим? Половинки нам не хватит! Там тесно будет!

— Хватит, — уверял секретарь. — Можно и в половину верить, а целиком получишь на старости лет.

— Давай хоть половинку! — согласился тот мужик, которого баба била. — Тут и четверть возьмешь, когда так жалобно живется. И половинка — вроде религии.

— Нет, не вроде, — разъяснил секретарь. — Социализм уже есть и еще больше его будет, а бога как не было, так и нет до сих пор. А теперь надо нам понять, кому что достанется. Ты чем, товарищ Аркин, обижен?

— Еды мало, — ответил Аркин. — Иные дни одним купырем кормлюсь.

— Ага, — сообщил секретарь. — Тебе, значит, будет полагаться минеральное удобрение. А ты отчего горюешь, товарищ Агапкин?

— Баба мордует.

— Культурную революцию получишь. А ты, Сгонников?

— Горю дважды в пятилетний план.

— Ладно. Железный дом из индустриализации будешь иметь.

— Спасибо, — сказал Сгонников. — Буду ждать, теперь уж я вижу.

— А теперь — кто хочет через пять лет, считай — через четыре, социализм полником иметь?

— Я!! — ответило собрание, как одна личность.

— Тогда тащите завтра хаты по частям на пустое место! — разъяснил секретарь. — У нас за лугами есть дальняя земля, и она хороша для хлеба и коллективного труда! Кто в колхозе пять лет, считай — четыре, перетерпит, тот через пять отрывных календарей в коммунизм дойдет!

— С хатами идти будет тяжело! — усомнился Агапкин. — Мы порожные туда двинемся!

— Коммунизм — хозяйство и быт, это одно место, а не бродяга-человек, — еще раз ясно объяснил секретарь.

— Ну тогда так! — согласилось собрание. — Хаты все равно через пять лет, считай через четыре, погорят, — лучше их унести.

И вот через месяц восемь дворов переселились из деревни в степь, чтоб вышел колхоз. Но секретарь совета не велел на новом месте собирать каждую хату отдельно, а велел построить из общего материала один дом и один большой двор. Коллективистам было все равно, они жили слишком несладко на своих дворах, — и они сделали один дом и один двор.

Мужчины и женщины имели дом пополам — каждый пол свою половину. Агапкин был доволен, его баба теперь занялась с другими женщинами и с ним не дралась.

После получения трактора голодающий Аркин сел трактористом.

— Это, — сказал он, — я могу. Я пахать лошадей не люблю — боюсь мучить скотину, хоть у меня ее и нету, а машина — дело железное, и мне — сидеть, а не ходить.

Однажды дом колхоза загорелся. Сгонников, который и в деревне постоянно горел, не удивился: он знал, что пожар при нем будет. Но секретарь совета еще при постройке дома повесил в нем два огнетушителя, и пожар был потушен в момент.

— Вот это да! — сказал тогда Сгонников. — Вот это коммунизм! Теперь я его вижу!

Все коллективисты стали жить благополучно и сами удивлялись тому:

— Как же так! — произносили они вслух. — Неужели беда была, что каждый на своем дворе томился, а стали жить дружкой — и полегчало! Не может быть! Ведь мы думали, что нам ни один черт не сумеет помочь, а теперь вышло, что раньше пяти лет, считай — четырех, мы свое получили!

ПОСЛУШАЙТЕ РАССКАЗ ОБ ОДНОМ МУЖИКЕ, КОТОРЫЙ ПЕРЕХИТРИЛ ЦЕЛОЕ ГОСУДАРСТВО.

Семен Верещагин уже сорок лет единолично и зажиточно хозяйствовал на хуторе Перепальном, живя не столько за счет своих трудов, сколько за счет своей мудрости.

С самого начала советской власти он выписывал четыре газеты и читал в них все законы и мероприятия с целью пролезть между ними в какое-либо узкое и полезное место. И так существовал Семен Верещагин, притаясь и мудрствуя. Однако его привела в смущение в последнее время дешевизна скота, а Верещагин исстари занимался негромкими барышами на скупке и перепродаже чужой скотины. Долго искал Верещагин каких-либо законов на этот счет, но газеты говорили лишь что-то косвенное. Тогда Верещагин решил использовать и самое косвенное. Он вспомнил в уме, что его лошадь стоит нынче на базаре рублей тридцать, а застрахована за сто семнадцать. А тут еще колхоз вот-вот грянет, и тогда лошадь станет вовсе как бы ничья.

Сидел Верещагин на лавке и грустно думал, хитря одним желтым глазом.

— Главное, чтоб государство меня не услышало, — соображал он. — Что-то я нигде не читал, чтобы лошадей мучить нельзя было: значит — можно. Как бы только Осоавиахим не встрял: да нет — его дело аэроплан!

И Верещагин перестал давать пищу лошади. Он ее привязал намертво веревками к стойлу и давал только воду, чтоб животное не визжало и не привлекало слуха соседей.

Так прошла неделя. Лошадь исчахла и глядела почти что по-человечьи, а когда приходил к ней Верещагин, то она даже открывала рот, как бы желая произнести томящее ее слово.

И еще прошла неделя. Верещагин для ускорения кончины лошади перестал ей давать и воду. Животное поникло головой и беспрерывно хрипело от своей тоски.

— Кончайся, — приказывал коню Верещагин. — А то советская власть ухватлива. Того и гляди — о тебе вспомнит.

А лошадь жила и жила, точно в ней была какая-то идейная устойчивость.

На двадцатый день, когда у коня уже закрылись глаза, но еще билось сердце, Верещагин обнял свою лошадь за шею и по истечении часа задушил ее. Лошадь через два часа остыла.

Верещагин тихо улыбнулся над побежденным государством и пошел в избу — отдохнуть от волнения нервов.

Дней через десять он отправился получить за павшую лошадь страховку, как только сельсовет дал ему справку, что конь погиб от желудочного томления.

За вырученные сто рублей Верещагин купил на базаре три лошади и, как сознательный гражданин, застраховал в окружной конторе Госстраха.

Пропустив месяц и не услышав, чтоб государство зашумело на него, Верещагин перестал кормить и новых троих лошадей. Через месяц он теперь будет иметь двести рублей чистого дохода, а там еще — и так далее.

Прикрутив лошадей веревками к стойлам, Верещагин стал ждать их смерти и своего дохода.

Однако дворовая собака Верещагина тоже не сидела с убытками — она начала отрывать от омертвевших лошадей задние куски и таскать их мясные куски по чу-

жим дворам, чтобы прятать. Собаку крестьяне заметили, и вскоре сельсовет во всем составе, пришел к Верещагину, чтобы обнаружить у него склад мяса. Склада сельсовет никакого не нашел, а ночью прибежала на двор Верещагиных целая стая чужих собак и, присев, эти дворовые животные стали выть.

На другой день сосед Верещагина перелез через плетень и увидел трех изодранных собаками умирающих лошадей.

Верещагин тоже не спал, а думал. Он с утра пошел взять справку о трех своих павших лошадях, которых он купил лишь для того, чтобы отдать в организуемую лошадину колонну.

Секретарь поглядел на Верещагина и сказал:

— Не пройдет, Верещагин, твое мероприятие, мы от собак о всем твоём способе жизни узнали. Иди в чулан пока, а мы будем заседать про твою судьбу: сегодня газета «Беднота» пришла, там написано про тебя и про всех таковых личностей.

— Почта у нас работает никуда, товарищ секретарь, — сказал Верещагин, — я ведь думал, что теперь машины пойдут, а лошадь — вредное существо, оттого и не лечил такую отсталую скотину!

— Ага, ты умней всего государства думал, — произнес секретарь. — Ну ничего, ты теперь на ять попадешь под новый закон о сбережении скота.

— Пусть попадаю, — с хитростью смирился Верещагин. — Зато я за полную индустриализацию стоял: долой скотину с полей! Да здравствует 3-й Интернационал!

— Вот именно! — воскликнул секретарь. — Долой кулацкую тварь со всех полей, потому что кулак теперь хуже всякой скотины. Иди в чулан и жди нашего суждения, лошадиный разбойник.

И СЛУШАЙТЕ ТЕПЕРЬ КРАТКИЙ РАССКАЗ ПРО ФИЛАТА-БАТРАКА.

Филата приняли в колхоз последним, когда уже все середняки успели записаться.

— Ты всегда справишься войти в членство, — говорили Филату руководящие лица. — Ты же человек в классовом размере абсолютный!

И Филат ждал, не зная, чему ему радоваться, поскольку он еще не член колхоза. Со скучным выражением лица он ходил по колхозу и устранял прочь всякие неполадки. Была ли открыта дверь в избу, покачнулся ли плетень, иль просто петух ходил отдельно от кур — Филат притворял дверь, устанавливал плетень и подгонял к курам петуха.

Во время ветра Филат выходил на тот край колхозной деревни, куда направлялся ветер, и глядел, чтобы ветер не выдул из деревни чего-либо полезного. А если что полезное ветер уносил, то Филат подхватывал ту полезную вещь и возвращал ее обратно в обобществленный фонд.

И так жил Филат в усиленных заботах о колхозном добре и порядке, не будучи членом артельного хозяйства.

К Филату давно все привыкли, и он был необходим в колхозе. Когда у кого рожала баба, звали Филата вести хозяйство и смотреть за малыми детьми; кроме того, Филат мог чистить трубы, умел отучивать кур от желания быть наседками и рубил хвосты собакам для злобы.

Такого человека правление колхоза решило принять в члены на первый день пасхи, дабы вместо воскресенья Христа устроить воскресенье бедняка в колхозе.

Накануне пасхи Филата одели в роскошную чистошерстяную одежду, взяв ее из колхозного кооператива, а старую одежду Филата повесили в особый амбар, который назывался «музеем бедняка, жившего в эпоху кулачества как класса».

Избу-читальню загода украсили флагом и лозунгом, а утром на пасхальный день Филата вывели на крыльцо, около которого стояла, собравшись, вся колхозная масса. Филат, увидев солнце на небе и организованный народ внизу, обрадовался всеми силами своего тела и захотел жить в будущем еще более преданно и трудоспособно, чем он жил дотопе.

— Вот, — сказал активный председатель всему колхозу, — вот вам новый член нашего колхоза — товарищ Филат. Не колокол звучит над унылыми хатами, не поп поет загробные песни, не кулак, наконец, сало жует, а наоборот — Филат стоит улыбается, трудящееся солнце сияет над нашим колхозом и всем мировым интернационалом, и мы сами чувствуем непонятную радость в своем туловище! Но отчего же непонятна наша радость? Оттого что Филат был самый гонимый, самый молчаливый и самый мало кушавший человек на свете! Он никогда не говорил слов, а всегда двигался в труде — и вот теперь он воскрес, последний бедняк, посредством организации колхоза... Скажи же, Филат, нам что-нибудь — теперь ты, грустный труженик, должен сиять на свете вместо кулацкого Христа...

Филат улыбнулся ближнему народу и всей окрестной цветущей природе.

— Я, товарищи, говорю тихо, потому что меня никогда не спрашивали. Я думал только, чтоб было счастье когда-нибудь в батрацком котле, но боюсь хлебать то счастье — пусть уж другим достается...

Здесь Филат побелел лицом и прислонился к телу председателя колхоза.

— Что ты, Филат?! — закричал весь колхоз. — Живи смелей, робкая душа, ты теперь членом будешь! Проповедуй нам труд и усердие, последний человек!

— Могу, — тихо сказал Филат, — только сердце мое привыкло к горю и обману, а вы мне даете счастье — грудь не выдержит!..

— Ничего, обтерпешься! — крикнули колхозники. — Глянь на солнце, дайте ему воздуху...

Но Филат настолько ослаб от счастья, что опустился на землю и стал умирать от излишнего биения сердца.

Филата вынесли на траву и положили лицом к небесному свету солнца. Все замолкло и стояли неподвижно.

И вдруг раздался голос какого-то притаившегося подкулачника:

— Значит, есть Иисус Христос, раз он покарал Филата-батрака!

Филат услышал то слово сквозь тьму своего потухающего ума и встал на ноги, потому что привык трудиться и терпеть истому.

— Врешь, тайный гад! Вот он я, живой — ты видишь, солнце горит над рожью и надо мной! Меня кулаки тридцать лет томили, и вот меня уж нет...

Последние слова Филат говорил уже будучи мертвым, лишь по привычке терпеть и трудиться. Вслед за тем он шагнул два шага, открыл глаза и умер с побелевшим взором.

— Прощай, Филат! — сказал за всех председатель. — Велик твой труд, безвестный знаменитый человек...

И каждый колхозник снял шапку и широко открыл глаза, чтобы они сохли, а не плакали.

ПОСЛУШАЙТЕ РАССКАЗ ПРО ИСТИННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ С ПАШКОЙ-ДУРАКОМ, РОЖДЕННЫМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ МРАКОМ.

Павла Егоровича никто не звал полностью, хотя он жил уже в старчестве, — все его называли Пашкой, потому что он был глуп, как лопух или малолетний. До революции он скупал в земельных обществах овраги и старые колодцы — ему хотелось иметь хоть какое-нибудь имущество, чтобы сознавать свой смысл жизни в государстве. На приобретение домов и скотины у Пашки не хватало средств, поэтому ему приходилось считать своими усадьбами овраги. Такие места ему доставались дешево: однажды за полведра водки он скупил в волости все болота и песчаные уголья.

— Бери, владей, — выпив и утерев рты, сказали волостные мужики. — Какая-нибудь мелочь вырастет! Хозяином себя будешь считать!

После того Пашка проводил свою жизнь в оврагах и на поверхности заросших мокрых пучин. Там ему было уютно, кругом его простиралась собственность, и он мог видеть насекомых, всецело принадлежавших ему.

В другой раз Пашка приобрел фруктовое дерево. Шел он мимо помещичьего сада и видит: ползет по дереву черный червь. Пашка испугался, что тот червь съест сначала одно дерево, а потом и весь благоухающий сад. А когда начнут пропадать сады, то государство ослабнет, а затем нагрянет какая-нибудь босая команда и отнимет у Пашки овраги и мочажинные владения.

Тогда Пашка пришел к помещику:

— Стефан Еремеевич! У тебя там на дереве черный червь явился: он тебе все фруктовые стволы сгложет — ты гляди!

— Ты говоришь, черный червь, — с задумчивым умом произносил Стефан Еремеевич. — Что это: скотина или стебелек цветка? Черный червь! Так что же мне делать с ним? А вот что: Пашка, ты возьми то дерево, вырви его с корнем и тащи вон с поместья, а дома то дерево сожгешь. Но не смей червей ронять, смотри себе в след и подбирай червей в шапку.

Пашка изъял из сада вредное дерево и перенес его к себе в овраг, где и вонзил в глину, желая, чтобы вырос собственный сад.

Но дерево умерло, и наступила революция. Неимущие стали мучить Пашку, как врага народа. Из оврага его сразу выгнали, чтобы он там не был.

И отправился тогда Пашка вдоль страны, искать себе неизвестного места. По дороге он содрал с себя одежду, изранил тело и специально не ел: он уже заметил, что для значения в Советском государстве надо стать худшим на вид человеком.

И действительно, его уважали сельсоветы.

— Вот, — говорили на Пашку, — идет наш сподвижник, угнетенный человек. Где ты, товарищ, существовал?

— В овраге, — отвечал Пашка.

Предсельсовета смотрел на Пашку со слезами на глазах.

— Поешь молочка с хлебцем, мы тебя в актив привлечем: нам нужны подобные люди.

Пашка напивался, наедался и оставался.

В одной деревне его оставили заведовать кооперативом. Пашка увидел товары и пожалел их продавать: население все может поест и уничтожить, а что толку? Имущество всегда нужно поберечь: людей хватает, а ценностей мало.

Из кооператива Пашку удалили. Он почел себя недостаточно бедным, чтобы быть достойным Советского государства, и обратился в нищего. Больше всего он боялся остаться без звания гражданина, без смысла жизни в сердце.

Однако Пашку привлекли к суду, как бродягу и непроизводительного человека, тратящего бесплатно пролетарскую еду. На суде Пашка сказал, что он ищет самого низшего места в жизни, дабы революция его признала своей необходимостью. Теперь он хочет умереть, чтобы избавить государство от своего присутствия и тем облегчить его положение, тем более что бедней мертвеца нет на свете пролетария.

Рабочий судья выслушал Пашку и сказал ему:

— Капитализм рожал бедных наравне с глупыми. С беднотою мы справимся, но куда нам девать дураков? И тут мы, товарищи, подходим к культурной революции. А отсюда я полагаю, что этого товарища, по названию Пашка, надо бросить в котел культурной революции, сжечь на нем кожу невежества, добраться до самых костей рабства, влезть под череп психологии и налить ему во все дыряя наше идеологическое вещество...

Здесь Пашка вскрикнул от ужаса казни и лег на пол, чтобы загодя скончаться. Но за него вступилась дамочка, помощница судьи:

— Так нельзя пугать бессознательного. Следует его сначала пожалеть, а уж потом учить. Вставай на ноги, товарищ Пашка, мы тебя отдадим в мужья одной сознательной бабочке, она тебя с жалостью будет учить быть товарищем, гражданином и человеком.

С тех пор Пашку отдали бабе на поруки, и он, из страха перед ней, стал жить сознательным тружеником, благодаря свою судьбу и советскую власть, в руках которой эта судьба находится.

Другие дураки тоже кое-как устроились. Так постепенно выводится с советской земли дурацкая, бродяжья сила, рожденная капиталистическим мраком.

<РАССКАЗ О ВОИНСТВУЮЩЕМ БЕЗБОЖНИКЕ>

Товарищ Чумовой ездил по деревням верхом на коне и сокрушал бога в умах и сердцах отсталых верующих масс.

Действовал товарищ Чумовой убежденно и просто. Приезжает он в любую деревню, останавливается среди людного места у кооператива и восклицает:

— Граждане, кто не верит в бога, тот пускай остается дома, а кто верит — выходи и становись передо мной организованной массой!

Верующие с испугу выходили и становились перед глазами товарища Чумового.

— Бога нет! — громко произносил Чумовой.

— А кто ж главный? — вопрошал какой-нибудь темный пожилой мужик.

— Главный у нас — клас! — объяснял Чумовой и говорил дальше. — Чтоб ни одного хотя бы слабоверующего человека больше у вас не было! Верующий в гада-бога есть расстройщик социалистического строительства, он портит, безумный член, настроение масс, идущих вперед темпом! Немедленно прекратите религию, повысьте уровень ума и двиньте бывшую церковь в орудие культурной революции! Устройте в церкви радио и пусть оно загремит взрывами классовой победы и счастьем достижений!..

Передние женщины, видевшие возбуждение тов. Чумового, начинали утирать глаза от сочувствия кричащему Чумовому.

— Вот, — обращался тов. Чумовой, — сознательные женщины плачут предомной, стало быть, они сознают, что бога нет.

— Нету, милый, — говорили женщины. — Где ж ему быть, когда ты явился.

— Вот именно, — соглашался тов. Чумовой, — если б он даже и явился, то я б его уничтожил ради бедноты и середнячества...

— Вот он и скрылся, милый, — горевали бабы, — а как ты уедешь, то он и явится.

— Откуда явится? — удивился Чумовой. — Тогда я его покараую.

— Чего ж тебе караулить: бога нету, — с хитростью сообщили бабы.

— Ага! — сказал Чумовой. — Я так и знал, что убедил вас. Теперь я поеду дальше.

И тов. Чумовой, довольный своей победой над отсталостью, ехал проповедовать отсутствие бога дальше. А женщины и все верующие оставались в деревне и начинали верить в бога против тов. Чумового.

В другой деревне тов. Чумовой поступал так же: собирал народ и говорил:

— Бога нет!

— Ну что ж! — отвечали ему верующие. — Нет и нет, стало быть тебе нечего воевать против него, раз Иисуса Христа нет.

Чумовой становился своим умом в тупик.

— В природе-то нет, — объяснял Чумовой, — но в вашем теле он есть.

— Тогда убей наше тело.

— Вы, граждане, обладаете идиотизмом деревенской жизни. Вас еще Карл Маркс предвидел.

— Так как же нам делать?

— Думайте что-нибудь научное!

— А про что думать-то?

— Думайте, как, например, земля сама по себе сотворилась.

— У нас ум слаб: нас Карл Маркс предвидел.

— А раз вы думать не можете, — заключил Чумовой, — то лучше в меня верьте, лишь бы не в бога.

— Нет, товарищ оратор, ты хуже бога! Бог хоть невидим, и за то ему спасибо, а ты тут — от тебя покоя не будет.

¹ Шошин В. Из писем к Андрею Платонову (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы, библиография. СПб., 1995. С. 166–167.

² «Крестьянский журнал». 1929. № 2. Январь. Обложка 3. Подпись Ан. П-в.

³ Так значится в подробной программе «Крестьянской радиогазеты» журнала «Новости радио», см.: 1928. № 29. 13 июля. С. 3; № 33. С. 5.

⁴ Здесь и далее через черту даются первоначальный и окончательный (в редакции «Впрок») варианты фамилии героя.

⁵ См.: Корниенко Н. История текста и биография А. Платонова // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 132–136, 150–158; «Меня убьет только прямое попадание по башке»: Материалы к творческой биографии Андрея Платонова / Подготовка текста и очерк творчества Н. Кор-

ниенко // Новый мир. 1993. № 4. С. 109–110, 114–119. В публикации «Нового мира» из упоминавшихся текстов полностью напечатаны «Отмежевавшийся Макар» (с обозначением правки 1930 г.) и рассказ о поездке Ефима Нечаева в Париж.

⁶ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 47, лл. 65–69; в правом верхнем углу первого листа помета «Дер<евенский> утр<енник> 8/XI».

⁷ В рукописи повествовательный зачин вычеркнут и вписано новое заглавие — «2. Восьмеро неимущих».

⁸ См. в наст. издании публикацию *Е. Антоновой и Л. Аронова* «Первый год московской жизни А. Платонова».

⁹ Переезд в Москву датируется на основании критических публикаций второй половины октября 1928 г., вызванных пьесой «Дураки на периферии» — плодом совместного творчества А. Платонова и Б. Пильняка (см.: <А. Платонов. Б. Пильняк. Дураки на периферии> // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. С. 224–228). По словам самого Пильняка, пьеса появилась благодаря тому, что Платонов поселился у него «за неимением другой жилплощади». О том, что семья Платоновых квартировала у Пильняка какое-то время после возвращения в Москву известно также из воспоминаний В. А. Трошкиной — сестры жены Платонова (Судьба, изломанная росчерком «самодержца». Из неопубликованных воспоминаний друзей и коллег об А. Платонове // Советский музей. 1991. № 1. С. 40). О продолжительности ленинградского периода в жизни Платоновых косвенным образом свидетельствуют и публикации писателя в ленинградских изданиях в сентябре 1927 г. (Платонов А. Песчаная учительница // Литературные среды. 1927. № 21. 28 сент. С. 6–7) и сентябре-октябре 1928 г. (Платонов А. Город Градов // Литературно-художественный сборник «Красной панорамы». 1928).

¹⁰ В письме Келлер, в частности, отчитывается: «Я сообщил в редакцию о Вашем отъезде на следующее же утро, как Вы меня просили. А когда потом я говорил с ними относительно рукописи, то они уже успели получить Ваше письмо, я узнал от них, что рукопись Вам нужна, и не стал ее брать. Теперь оказывается, что есть второй экземпляр и что он тоже Вам нужен. Он, очевидно, там же в Радиогазете. Сейчас (я только что получил Ваше письмо) вечер и там никого нет. Завтра с утра мы все устроим. <...>».

¹¹ РГАЛИ, ф. 2569, оп. 1, ед. хр. 335, лл. 4.

¹² Вероятно, не без содействия Н. Тришина в ноябре 1926 г. в «Журнале крестьянской молодежи» Платонов опубликовал «Рассказ о потухшей лампе Ильича» (№ 21. 7 нояб. С. 2–4; под заглавием «Как зажглась лампа Ильича»).

¹³ Проект СНК о переходе на непрерывную рабочую неделю (введение скользящих выходных дней) был одобрен Политбюро 22 августа 1929 г.

¹⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР о мерах борьбы с хищническим убоем скота датируется 16 января 1930 г. Принятое в связи с этим дополнение к Уголовному кодексу РСФСР было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 24 января.

¹⁵ Курс на ликвидацию кулачества как класса был задан в речи Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. и в его же статье «К вопросу о ликвидации кулачества как класса» в газ. «Красная звезда» от 21 января 1930 г.

Вступительная статья и подготовка текста Елены Антоновой

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ
«Научное Собрание сочинений А. П. Платонова»*

Научное издание

**«СТРАНА ФИЛОСОФОВ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА:
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА**

ВЫПУСК 5

ЮБИЛЕЙНЫЙ

**Редактор-составитель
Корниенко Наталья Васильевна**

Оригинал-макет изготовлен в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН

Технический редактор Лавочкина А. В.
Корректор Сченснович Е. Н.

ИД № 01286 от 22 марта 2000 г.

Подписано в печать 11.08.2003. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Tense.

Печать офсетная. Физ. печ. л. 61,5. Тираж 1000 экз.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (095) 290-23-01, 291-19-23

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 8879